

M. Кондратьев

У. П. Б.
П. 17. Б. 17. 33-40

Спириденко Мария Ивановна (бабушка)
Спириденко Давид Андреевич (дедушка)
стоит моя мама Ольга Давидовна
маленький — Гостя.

1916 г.

Фотография

М. Д. СТУКОЛКИНА

ПЕТЕРБУРГЪ

ПЕТЕРБУРГ. СТОР.
Большой Пр. № 38-40.

Телеф. № 555-70.

СЕРЕБР. МЕДАЛЬ 1908

Негативы сохраняются

Вх 32/ОКІІМРПД
01.02.2012

7 ноября 2020г. г. Владивосток.

Здравствуйте, уважаемого сотрудника
музея железных дорог России.

В "Железнодорожной правде" за 30 октября 2020
была опубликована маленькая заметка о
вашем музее, который называют "Железно -
дорожным энциклопедией".

В силу преклонного возраста и серогого рас-
стояния от Петербурга до Владивостока, я уже
побывать там не смогу. Но рассказать о своем
замечательном дедушке - железнодорожнике -
согласно нужным т.к. в нашем государстве
о нем остался всего одна запись: "пропал без-
вестно" или: "варшавян сведений нет".

Я все послевоенные годы писала в различные
инстанции чтоб узнать куда и где пропал мой
дедушка Спириденко Яковд Андреевич, но так
и не нашла о нем хоть каких-то сведений.
Положам, что его поезд попал под бомбежки и
он таким образом, в нем и погиб может даже
в первые времена войны под Ленинградом.

Высылаю Вам копию фотопортрета, на кото-
рой он запечатлен со своей супругой Марией
Ивановной Спириденко и их детьми: Жостей (на
руках у бабушки) и моей мамой Ольгой. Эта фо-
тография каким-то чудом была сохранена
моей бабушкой и передана мне как самая
дорогая реликвия в нашей семье.

Расскажу всё о семье наших предков.

Моя бабушка родилась в селе Никольское
Посменского района, где всегда жила её предки.
Закончила там 4 класса церковно-приходской
школы и безбедно жила со своей сестрой Анной
Ивановной в родительском доме, который стоял
рядом почти с церковью. Они жили за счет своего
хозяйства, хотя почти весь скот у них был в
годы раскулачивания отобран. Но их никуда
не сослали и они продолжили жить в своем доме.

На беду они с сестрой ездили в Питер, где и
нашли себе мужей. Старшая Анна вышла замуж
за московского гимназика Пихузина и уехала к
нему жить. А младшая Мария привезла в
Никольское примача (так звали в селе парней,
которые женились на местной девушкой). В
Никольском в ту пору примачи не приветство-
вались т.к. своя семья жила вдалеке. Но нашей
бабушке Яковд очень понравился и она,
вопреки воле родителей, вышла за него замуж
и оставила жить его в родительском доме...

Я со своими родителями жила в Ленинграде,
где и родилась 31.12.1932. Меня часто отвозили
на дачу к бабушке и дедушке в Никольское,
где я была у меня первой внучкой и жилось мне
там особенно приятно в окружении любимых
деда и бабушки и их родни.

В силу того, что перед войной я была не-
совершеннолетним ребенком и мое замечатель-
ное беззаботное детство было властито -
лине даже в голову тогда не пришло поинтере-
соваться биографией деда и даже его возрастом,
о чем я горько сожалею всю свою жизнь.

Я знала лишь то, что наш дедушка родом с Украины и был оттуда (адреса не знаю) призван на Первую мировую войну. О жизни его прежде и после заключения мира, оказался в Петербурге при штурме из-за своего невестки красивого почерка. Так полагала бабушка.

Автомобилизовавшись в армии, дед устроился работать на Октябрьскую железную дорогу. Перед войной он работал проводником на железной дороге. Великим праздником для всех нас было его возвращение домой из поездки. Дом воевал в это время завален подарками для всех родных и близких. Он был очень веселым и добродушным человеком, который всем приносил радость.

После появления в нашем доме верного игрушек-зверюшек из белого гипса, дед с юмором нам, внукам, рассказывал, как она (эти зайчики, мишки, медведи и пр.). Яковом подвешивал его поезд на какой-нибудь станции и просил его забрать на себе домой. Эти игрушки хорошо сидят в саду, но для нас, детворы, это были, как все, живые персонажи и мы с ними разговаривали.

Зимой дед меня (и других внуков) катал вдоль дороги на санях - оленях и рассказывал про Папанима, который жил в палатке в северном ледовитом океане на льдине, а вокруг вращались белые медведи. и привозил мягкие игрушки эти белые медведи и птиц. Рассказывал нам, что люди научились летать как птицы на своих самолетах и главным героем был - Чапаев. А еще он рассказывал, что и женщины научились летать на самолетах и пролетели через всю страну на Восток, на самолет упал в тайгу, где вращались медведи и тигры, но они выжили потому, что все эти люди, в том числе Григорьев, Осинов, другие - были героями и советовал нам быть такими же сильными и мужественными в жизни.

Мальчишкам (моим двоюродным братьям Олегу и Юрию) он из дерева воспроизводил наганов и ружья, рассказывал им, что на Востоке идет война с японцами и они должны научиться быть воинами. и защищать свою страну.

Они, вооруженные этими винтовками и наганами, браво маршировали по селу и пели песню: «Синее море, красный пароход. Сяду и поеду на Дальний Восток. На Дальнем Востоке пушки гремят, солдаты убитые воем нежат. Мама будет плакать, папа - сгорать а я поеду - врагов убивать! (как в воду дружок - всем пришлось повоевать).

У нас на д. в славянске есть музей, рассказывающий про события тех лет и в качестве экспоната там есть этот маленький танк, про который нам дед рассказывал.

А еще во время отдыха между поездками, дедушка приводил все свое домашнее хозяйство в военный порядок, которое находило его помощники. Ходил за грибами со своим большим плетеным коромом на лямках за спиной и приносил всегда полный кором грибов и в лукошке - ягодах. Мобил рыбачить сетями на озере и с удочкой на реке.

Самым главным человеком в нашей семье-почиталась бабушка: она была суровой, но всегда справедливой. Семья её, кроме деда, состояла ещё и из трёх их детей: дочки и двоих сыновей. Старшей была моя мама Ольга Яковлевна. Она рано покинула отчий дом, уехав в Ленинград. Встретила там курсанта военно-морского училища Семёна Морозова и вышла за него замуж. Судьба его забросила в А-В по тому, что в годы голода он остался сиротой на Алтае и как лучшего ученика его послали учиться в Ленинград. Мы жили в коммунальной квартире, но перед войной, после окончания училища, отец получил отдельную квартиру на ст. Дачное, т.к. у нас родился мой младший брат Саша. Мама была в отпуске.

Сын Константин Яковлевич с семьёй жил в бабушкином доме, работал на Ижорском заводе, жена Юлия у него была по национальности финка, придерживались строгой дисциплины и порядка, может поэтому их сын Олег был очень тихим и немногословным мальчиком. Ещё у нас перед войной родилась маленькая Алла. А вот во второй семье сына Сергея Яковлевича мне всегда было комфортно, весело и интересно. Его жена Муса происходила из купеческого рода Лялиных. Жили они рядом, в их доме на первом этаже был магазин и цех ревятишки, туда часто бегали за сладостями. Все у тёти Жени нельзя было ни до чего допрашиваться, чтоб не нарушить порядок в доме, но у тёти Мусы можно было не только драться всеми подушками, а и прыгать на кроватях, как мы батуны. За беспорядок нас не ругали, а заставляли всё убрать. Мы могли с Юркой и его пацанами бегать на улицу на все четыре стороны, никому не докладываясь об этом. Часто за свои проказы получали нагоняй от бабушки и шли за утешением к деду. Как-то мы залезли в чужой сад за яблоками. Бабушка не только нас отругала, но и решешком досталось. Дед поступил так: спросил Юрку: зачем полез воровать яблоки в чужой сад, если свои есть да ещё и Миму (так меня звали в детстве) привезти? Юрка ответил: "Рвать у себя яблоки в саду скучно, а в чужом - всё время надо быть на чеку и уметь выстрелить через забор убрать, чтоб не дрогали." Дед взял с нас слово, что воровать мы больше ничем не будем, пообещал из командировки привезти нам великие игрушки, кроме этого и повел через Енисейский мост к Сабельским пещерам. Там там очень понравился берег лазать и мы забавились про сад. А ещё он нас катал на плоту по реке и научил перебраться на другой берег по гастролу, где мы принимались карабкаться по отвесному высокому берегу, чтоб посмотреть сверху вниз.

Церковь в селе была разрушена после револю-
ции, но за ней, по косогору, спускалось забро-
шенное старинное кладбище, с монументальными
крестами на заброшенных могилах, однесенных
камней и с землей, поросшей мохом. Мы там
с любопытством разглядывали надписи.

Но мое золотое детство у бабушки Дюны и
бабушки Мамы, оборвала война, начавшая 21.06.41г.
В этот день, было воскресенье, мы все собра-
лись в бабушкином доме по случаю приезда из
Палкина маминного брата Сергея. Он служил
на ту пору в армии и в 1939г. попал туда
вместе с частями Красной Армии, это война в
Прибалтику. А в июне 1941г. получил отпуск и при-
ехал к семье в Никольское. У него с Мусей к тому
времени была еще и дочка Лидя. Все радовались вст-
речи и собрались по этому поводу у бабушки.

Про войну услышали по радио - весел на стенке
гёрной коню, вот он и сообщил всем нам эту весть.

Первым из-за стола встал Сергей: "А военный
и должен быть в своей гостини" Муся заплакала и
они с детьми пошли собираться в дорогу. За ними
вышел и Константин: "Надо съездить на завод"-
сказал он жене, та переглянула и плакать, как Муся,
не стала. У него в семье были свои суровые порядки.

Засобирались в Ленинград и мои родители. Мама
пошла договариваться с бабушкой, чтоб нас с сестрой
оставить у нее, пока она выйдет на работу. Отец
должен был, как военный корреспондент, жить в
редакцию "Водник" и получить там указания.

Же отстал от своих детей и наш дедушка
Давид Андреевич. Все мы и вокруг все соседи знали,
это у деда есть его большой мальчик - нарком
железнодорож - Каганович Л.М. Когда, бывало,
раньше он уходил на свою службу (работу), все
проводили его словами: "Передай привет Лазарю
Моисеевичу от нас". Дед, любящий, вспоминался передать.
А на сей раз он был очень озабоченным, только и
успел сказать: "Я еще забегу и всё объясню".
Переоделся в свою форму, одел фуражку, ничего не
взял с собой, кроме документов и побегал в депо.

Больше мы его с этого дня никогда не видели.

Бабушка всю жизнь, как зеницу ока хранила
этот портрет и повторяла: "Только смерть могла
заставить его не вернуться домой. Она всю жизнь
любила его и ждала его возвращения. Никакие за-
просы по поводу его судьбы, после того, как он
ушел в депо (какое, я не знаю) Октябрьской же-
лезной дороги, не пролили судьбу пропавших без-
вести. Я, единственная довоенная, кто его знал и
памяти. И поэтому не могу смириться с мо-
слью, что его имя должно быть потеряно только
из-за того, что не сохранились те архивы, в кото-
рые он должен был вписан, как человек, жив-
ший в совет и ушедший на войну, защищая свою
семью и страну, служив Родине железнодорожником.
Своими письмами и хочу поставить словесный памятник
моему дедушке Спириденко Давиду Андреевичу в сте-
нах нашего музея, раз его нет на Земле.

С уважением Людмила Семеновна Михайлова (Морозова).